

З.Р. Латфулина

**МОДУСНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ:
АВТОРИЗАЦИЯ И ПЕРСУАЗИВНОСТЬ**

Статья посвящена описанию модусных квалификативных категорий авторизации и персуазивности, которые исследуются на материале говоров Среднего Приобья, отраженных в серии диалектных словарей. Демонстрируется тесная взаимосвязь указанных категорий. Рассматриваются наиболее частотные показатели, функционирующие в диалектной речи и выражающие пересечение модусных смыслов авторизации и персуазивности. В ходе исследования предпринимается попытка выявить основные виды взаимодействия квалификативных категорий авторизации и персуазивности в диалектном высказывании.

Ключевые слова: квалификативные модусные категории; авторизация; персуазивность; диалектная речь; диалектное высказывание.

В связи с тенденцией к изучению языковых явлений с позиций человеческого фактора в центре внимания лингвистов оказывается комплекс субъективных смыслов, актуализируемых говорящим. В частности, интерес вызывают квалификативные категории авторизации и персуазивности, называемые «падежи парадигмы» модуса высказывания [1], – наиболее актуальные, частотные и достаточно описанные в функциональной структуре высказывания.

В настоящей статье рассматриваются наиболее частотные показатели, выражающие пересечение модусных смыслов авторизации и персуазивности в диалектном высказывании, предпринимается попытка выявить основные виды взаимодействия указанных категорий.

Работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья, отраженных в серии диалектных словарей.

Персуазивность как модусная категория, квалифицирующая информацию в отношении ее достоверности / недостоверности с точки зрения говорящего, обычно рассматривается как разновидность субъективной модальности [2, 3]. Для передачи значения достоверности / недостоверности используются также термины «эпистемическая модальность» [4], «модальность достоверности» [5], «модальность истинности» [6]. Значение персуазивности выделяется в работе В.З. Панфилова [7], при этом автор употребляет термин «персуазивная модальность». Его же использует и Н.И. Большакова для анализа модусной категории достоверности [8]. Термин «персуазивность», функционирующий в современной лингвистике, активно употребляет Т.В. Шмелёва [9].

Основанием квалификации персуазивной семантики служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на описываемое событие посредством указания на достоверность / недостоверность излагаемой информации. На содержательном уровне персуазивность организуется противопоставлением двух полюсов – «достоверно / недостоверно», при этом следует отметить, что в данном случае речь идет не о достоверности / недостоверности объективного факта действительности, а о субъективном отношении говорящего к фрагменту информации. План выражения исследуемой категории базируется на средствах и способах выражения персуазивной квалификации события говорящим в пределах

высказывания. При этом положительное значение персуазивности – отсутствие сомнений в достоверности – выражается имплицитно (не получает специального выражения с помощью каких-либо показателей). Специальные средства вводятся для выражения авторского отношения к достоверности информации в случае, когда говорящий снимает с себя ответственность за недостаточно проверенные сведения, проявляет некатегоричность. Ядерными (основными) репрезентатами персуазивности на речевом уровне в литературном языке являются модальные слова и частицы *возможно, наверное, кажется, может быть, едва ли, вряд ли, будто* и др. В диалекте в этой роли регулярны модусные частицы и вводно-модальные слова *авось-небось, бышино / бышить, верно, видам / по видам, видать, видимо, видко, видно / как видно, али / али как, вроде / вроде бы, как вроде / как вроде бы, как-то вроде* и др.

Категория авторизации понимается нами вслед за Г.А. Золотовой и Т.В. Шмелёвой как квалификативная модусная категория, содержащая указание на лицо / социум как на автора / источник информации или на способ / характер ее получения¹. Авторизационная квалификация проявляется в оппозиции «свое / чужое». Субъектом квалификации выступает говорящий, автор высказывания, с позиции которого осуществляется квалификация информации [11. С. 28]. Основанием авторизационной квалификации служит стремление говорящего выразить свою точку зрения на сообщение посредством указания на источник информации (в случае сообщения «чужой информации»), а иногда и на характер восприятия действительности [2]. Средства выражения авторизации в литературном языке – слова и предложения, указывающие на источник информации. Это могут быть наречия, образованные от местоимений *по-моему, по-нашему, по-твоему*, слова и предложения, содержащие глагол речи, мысли, восприятия *говорят / как говорят, казаться, чувствовать, наблюдать, обнаруживать* и др. Спектр маркеров, способных выражать авторизацию в диалектной речи, представлен такими лексическими единицами, как *по-моему, говорить / грить, казаться* и др.

Кваликативный аспект модуса отличается тесным взаимодействием всех его категорий. Как отмечают исследователи, средства выражения авторизации почти

всегда несут одновременно и оценку степени достоверности информации: «...эффект появления показателей авторизации (как с семантикой «своя» информация, так и «чужая»)» – персуазивный, а именно внесение смысла «неуверенности в достоверности» [12. С. 29]; «авторизации как категории, информирующей слушающего об источнике знания и способе ее получения, вообще нельзя не “сотрудничать” с персуазивностью, информирующей об уверенности говорящего в достоверности своего или чужого знания или неуверенности в нем, поскольку никаких иных мотивов эксплицировать указание на источник знания / мнения, кроме как указать на уровень уверенности в нем, у говорящего и не может быть» [1. С. 47].

В анализируемом материале дифференцируется два основных вида взаимодействия категорий авторизации и персуазивности:

1. Пересечение модусных категорий авторизации и персуазивности наблюдается при указании на источник информации, являющейся собственным знанием говорящего и полученной им в случае непосредственного восприятия ситуации либо путем умозаключения (см. об этом подробнее: [13, 14]). Например: *Захворал. Прямо, кажется, шурчит, ветер бы [в ушах]* [15. Т. 1. С. 141]; *Таволожник – будто как вроде слыжала, но не буду врать* [Там же. Т. 2. С. 277] – авторизованная конструкция выполняет функцию передачи информации, известной из собственного перцептуального опыта; [А Горёвка – почему?] – *А Бог её знает. Наверно, там-ка бедно жили все, в горе. Не знаю* [Там же. Т. 1. С. 66] – указывается на инференциальный источник информации (умозаключение, логический вывод, рассуждение) через модусный компонент *наверно*, причинно-следственную связь.

2. Категория авторизации обнаруживает тесную связь с персуазивностью в случае, когда информация получена из другого источника либо опосредована знанием, мнением говорящего. Например: *Спился, пьёт и пьёт каждый день, вот и говорят: «Он спился». Алкоголиком зовём* [15. Т. 1. С. 34]; *Вот, по-моему, это недавно [кто-то сказал], что надо вам к старушке, вот и всё* [Там же. С. 316].

Рассмотрим подробнее указанные виды взаимодействия модусных показателей.

В первом случае информация, содержащаяся в высказывании, является собственным знанием говорящего, т.е. получена либо из собственного чувственного опыта – перцептивность, либо путем логического заключения при использовании законов мышления – инференциальность. Перцептивность – это указание на то, что источником информации является чувственный опыт говорящего – слух, зрение, обоняние, общие ощущения. В данном случае реализуется перцептивная модусная рамка. В перцептивных модусных рамках используются глаголы чувства *видеть, слышать*, а также группа модальных частиц и слов, маркирующих чувственное восприятие окружающей действительности: *будто, как будто, бышно* (= *кажется, вроде бы*), *вроде,*

кажется, кажись. Так, в высказывании *И вот слышу, кто-то идёт, но я так сплю вроде крепко-крепко и не знаю кто: мужчина-женщина, большой маленький, ничё не знаю, и в белом-чёрном, ничё* [15. Т. 1. С. 74] диалектоноситель осознает достаточную степень субъективности передаваемой информации вследствие помех, связанных с капризами канала восприятия (плохо слышно), допускает ее ошибочность, что сближает высказывание с персуазивным. Выражая неуверенность, сомневаясь, говорящий считает, что его знания об объективном мире недостаточны для утверждения диктумной информации. Подобная ситуация возникает в случае неполного знания либо припоминания.

Инференциальность означает, что информация, содержащаяся в высказывании, получена говорящим путем логического умозаключения из увиденного, услышанного или путем непосредственного чувственного восприятия. Персуазивную семантику высказываний, сформулированных в результате мыслительной деятельности человека, чаще всего маркируют вводно-модальные слова *верно, вероятно, видимо, по-видимому, видно, наверно* и другие и предикаты авторизующего значения с семантикой вывода, результата умозаключения *думать, предполагать*. Семантика инференциальности пересекается с персуазивностью в плане оценки степени достоверности информации, содержащейся в высказывании. Инференция соприкасается с той частью персуазивности, которую составляют значения предположения, мнения: *Дожа нету ничего, думала, не вырастит уже, ничего, вырос* [Там же. С. 283]. Конструкция «я думаю», функционирующая в диалектной речи, наряду с *по-моему, мне кажется*, реализует в высказывании «модус ментального плана» [16. С. 120] и указывает на то, что авторство излагаемой мысли приписывается говорящему: *Я думаю, что мне чажелее* [15. Т. 7. С. 246]; *Думаю. Наверно, думаю, я ей много корму дала* [Там же. Т. 3. С. 133]. На состоявшийся акт ментальной операции умозаключения указывают модальный глагол *думать* в функции предположения, а также модальное слово *наверно*, фиксирующее выводной характер информации.

Используя модально-вводные слова, выражающие достоверность / недостоверность содержания высказывания (*наверно, возможно, вроде* и др.) и предположительные частицы (*как будто, вроде как* и др.), говорящий отказывается нести персональную ответственность за сообщаемый факт [17].

Информация о некотором положении дел может быть получена диалектоносителем и иными путями: из сообщения другого лица либо передана через посредство знания, мнения самого говорящего.

Чаще всего в диалектной речи маркируется информация, передаваемая с чужих слов, за которую субъект речи не несет ответственность. Говорящему необходимо передать смысл высказывания другого лица, выразить формальные элементы исходного сообщения, указать на автора высказывания. Передача информации, полученной с чужих слов, может быть разной по степе-

ни точности (от прямого цитирования до пересказа), а также передачи предполагаемой чужой речи [16]: *Гутя ей писала: иди, гыт, на закройщицу* [15. Т. 3. С. 23]; *Бабушка у нас скажет: «Иди ко мне, боярыня моя»* [18. С. 303]; *Мужики-то и то всё говорят, что работали чажело, а жили весело* [15. Т. 7. С. 246]; *Она мне навеки [намеки] дает, что, мол, он меня с ребенком взял, дак и жисть топерь несчастлива* [Там же. Т. 3. С. 317].

Автор, называя источник, в какой-то мере снимает с себя ответственность за достоверность информации. При этом, как отмечают диалектологи, прямая речь произносится на диалекте особым образом: говорящий стремится воспроизвести интонацию, силу (а иногда и тембр) передаваемых слов [19]. Диалектоноситель как бы перевоплощается в автора высказывания, превращая сказанное раньше в то, что говорится здесь и сейчас. В данном случае можно говорить об описанной В.Е. Гольдиным специфической черте диалектного повествования – совмещении ситуации-темы с ситуацией текущего общения [Там же. С. 4].

Глагол речи *говорить* может использоваться в диалектной речи в авторизирующем значении [20]. Как правило, он является синонимом глагола *считать* и указывает на то, что источник информации не говорящий, а какие-то другие лица, а говорящий только передает чужое мнение. Лица, которым принадлежат чужая речь, принято именовать: *Мужики-то и то всё говорят, что работали чажело, а жили весело* [15. Т. 7. С. 246]; *Говорили ранешны люди: народ будет бесстыжий – правда!* [Там же. Т. 5. С. 133]. Обычно говорящий в таких конструкциях как бы отстраняется от решения вопроса о том, насколько достоверно излагаемое. Широко используются в диалектной речи элементы *говорят* (редуцированные формы – *гыт, грит, гырт*), *говорили*, которые не требуют точного указания на источник сообщения. С их помощью диалектоноситель отказывается от ответственности за истинность сообщения. Какова его позиция, остается неясным. Тем самым подаваемая информация объективируется: *Чичас вот, говорят, чичас вот это, быдто бы из гусяного мяса делат пельмени* [18. С. 384]; *Ну, говорят, она как боярыня* [Там же. С. 303]; *Да от всё говорили бабье лето, баба-зассыха. И вот это бабье лето стало. А сейчас говорят, я здесь слышала, в Крапивино говорят, бабье лето в сентябре. А всю жисть слышала – бабье лето в августе... О, бабье лето, гырт, началось, это баба-зассыха* [Там же. С. 64].

Для высказываний подобного рода характерен признак обобщенности: источник информации обычно скрывается за некоторым обобщенным множеством лиц, не названных, но предполагаемых (источник – общепринятое мнение): *Вот которы Богу молились, богомолы были, они Богу молились. Которы рано, они, говорят, которы староверы. Так все называли их* [18. С. 384]; *Раньше были бабушки. Их звали, кто рожал. Говорили, бабилась ходила* [Там же. 1. С. 66]; *Говорили бояркова шерсть. Потому что первый раз овец стригли, носки вяжут* [Там же. 1. С. 302]. Говорящий

не владеет полной информацией о том, кто именно высказал мнение: так говорят все. Как отмечает Л.Г. Гынгазова, «наиболее характерно появление высказываний с обобщенным автором в том случае, если говорящий и адресат – носители разных типов коммуникаций (ситуация “собираетел – информант”)» [21. С. 237]. Высказывания подобного рода отражают рефлекссию говорящего по поводу фактов языка, при этом объяснение того или иного языкового факта идет от лица обобщенного автора и оформляется как прямая речь: *Высокий значит. Говорят: «Вон пошел как быдло»* [18. 1. С. 384].

Информация, содержащаяся в высказывании, может быть получена через посредство собственного мнения говорящего. Авторизационная семантика таких высказываний контаминируется с персуазивной. Так, наиболее частотная ментальная Я-модусная рамка *по-моему* способна выражать внутримодусное взаимодействие сфер – собственно-авторской семантики и семантики недостоверности (оттенок неуверенности): *И в Яру, по-моему, тоже часовня была, не церквя, однако* [15. Т. 1. С. 28]; *А за анонимки счас, по-моему, уголовное дело возбуждается* [Там же. С. 38]; *Бабье лето [цветок], это, подожди, помню бабье лето. Это, по-моему, это его называли бельемино* [Там же. С. 71]; *По-моему, из березника не строят [дома]. Нет. Сосновые, ну а березы, по-моему, нет* [Там же. С. 174]; *Ну, не помню, у нас мама, по-моему, не пела* [Там же. С. 28]. Акцентируется сема субъективности мнения и проблематичности соответствия высказывания объективной действительности. В приведенных примерах авторство выражаемой мысли приписывается говорящему.

Для языкового выражения мнения самого говорящего используется также глагол *казаться* в составе различных синтаксических конструкций, одновременно являющийся показателем авторизации. Чаще всего в диалекте авторизирующий глагол *казаться* входит в состав вводного предложения, выражающего сомнение, неуверенность, осторожность суждения говорящего: *Мы, значит, разделились на группы. Кажется, четыре группы* [15. Т. 2. С. 76]; *Я тоже не скупа, кажется, ну я экономна, последнее не отдам* [Там же. Т. 7. С. 342].

Говорящий может вводить свою точку зрения как уверенное предположение, обосновывая свой выбор тем, что он убежден в правильности своего мнения, желая выделить его в ряду других, однако оставляет место для иных вариантов развития событий, для других мнений, не настаивая на своем как на единственно возможном: *Мне вот кажется, когда женищина заматерится, как курица запоет по-петушьи, равносильно тому* [15. Т. 6. С. 19]; *Мне кажется, грубо. Ну голова дак голова, а то башка* [Там же. Т. 2. С. 73].

С одной стороны, вводно-модальные *по-моему, кажется* – «средства выражения авторского “я”, имплицитное выражение “его” (“я так думаю”, “я так считаю”)), указание на говорящего, на личную (субъективную, и значит – авторскую) окрашенность» высказывания [22. С. 35]. С другой стороны, эти же элементы

являются показателями некатегоричности говорящего, «невывычиваемости» своего «Я» с тем, чтобы предоставить собеседнику право самому решать, соглашаться ли ему с предоставленной точкой зрения или нет: *Мне кажется, хорошее кино* [«Рабыня Изаура»]. *Вот только одно здесь: само-то кино идёт мало, а одно и то же повторяется перед серией* [15. Т. 1. С. 231].

Таким образом, мы попытались описать модусные маркеры авторизации и персуазивности в аспекте их взаимодействия в диалектном высказывании. В анализируе-

мом материале демонстрируется тесная взаимосвязь персуазивных и авторизационных показателей. Наблюдения, сделанные в ходе нашей работы, показывают, что репертуар рассмотренных маркеров авторизации и персуазивности в диалектном высказывании довольно широк и отличается в качественном и количественном отношении от подобных лексических единиц в кодифицированном литературном языке. Выявление полного арсенала показателей, способных выражать взаимодействие авторизации и персуазивности, представляется нам отдельной задачей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Авторизация находит свое отражение в разных научных школах, получая в них различное терминологическое обозначение: авторизация – в коммуникативной грамматике Г.А. Золотовой; средства обнаружения коммуникативной установки – в работах по логическому анализу языка Н.Д. Арутюновой, М.А. Дмитриевской, Н.К. Рябцевой, И.Б. Шатуновского, А. Зализняка; модусная – рамка в работах Е.М. Вольфа, В.Г. Гака, Т.А. Колосовой; способы представления «образа автора» – в работах по структуре образа автора В.В. Успенского, Ю.М. Лотмана; средства разграничения ипостасей субъекта говорящего – в теории нарратива Е.В. Падучевой и Ю.Д. Апресяна. Можно разграничить близкие понятия: авторизация как свойство высказывания быть отмеченным печатью «автора-творца» (М.М. Бахтин) и авторизация как процесс осложнения модели (Г.А. Золотова) [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытов О.Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность) : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 184 с.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М. : Наука, 1973. 351 с.
3. Королева Т.М. Интонация модальности в звучащей речи. Киев : Высш. шк., 1989. 147 с.
4. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 180 с.
5. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. Praha : Academia, 1979. 879 с.
6. Грелл М. О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. 1956–1974 гг. : сб. ст. М. : Прогресс, 1978. С. 57–69.
7. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании предложения и суждения // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 28–44.
8. Большакова Н.И. Языковое оформление модусных категорий (на материале переписки М. Цветаевой и Б. Пастернака) : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1993. 235 с.
9. Шмелёва Т.В. Смысл и формальная организация двукомпонентных инфинитивных предложений в русском языке : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1979. 22 с.
10. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. 512 с.
11. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально-персуазивными частицами. Барнаул, 2001. 126 с.
12. Шмелёва Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 40 с.
13. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
14. Етко А.Г. Категория авторизации в аспекте функционального подхода // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 56. С. 80–88.
15. Вершининский словарь. Томск, 1999–2002. Т. 1–3, 5–7.
16. Арутюнова Н.Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992. С. 52–79.
17. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с. Т. 2.
18. Областной словарь Кузбасса / под ред. Э.В. Васильевой. Кемерово, 2001. Вып. 1.
19. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
20. Демешкина Т.А. Маркеры авторизации в диалектной речи // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке» 30 сентября 2013 г. (Россия, г. Тамбов). Тамбов, 2013. С. 25–28. Ч. 8.
21. Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 230–238.
22. Нагорный И.А. Субъектная перспектива односоставных предложений с предположительными частицами // Филология и человек. 2008. № 3. С. 30–41.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 января 2014 г.

THE MODUS INDICATORS OF THE DIALECTAL SENTENCE: AUTHORIZATION AND PERSUASION

Tomsk State University Journal. No. 380 (2014), 29–33. DOI: 10.17223/15617793/380/5

Latfulina Zulfiya R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lazur811@rambler.ru

Keywords: modus qualifying categories; authorization; persuasiveness; dialectal sentence; dialectal speech.

This study is devoted to the analysis of the most topical and frequent modus qualifying categories of authorization and persuasion. The most frequent indicators of authorization and persuasion in the dialectal sentence are considered. The article makes an attempt to define the main types of interaction of modus qualifying categories of authorization and persuasion. The Middle Ob dialect dictionaries are the material for this paper. As a rule, the modus qualifying category of persuasion is considered as a kind of a subjective modality. Other terms for its definition are epistemic modality, modality of veracity, modality of truth. The category of authorization is presented as a modus qualifying category which shows the source or character of information. It may be stated that a close connection between the analyzed categories in the dialectal speech is found. Two main types of interaction of categories of authorization and persuasion are

pointed out in the dialectal sentence: 1) the interaction of the modus categories of authorization and persuasion is found if the source of information received by the speaker is his/her own knowledge or if the speaker gained information from his/her own deduction. In case of direct perception of the situation, the speaker uses the verbs of senses 'see', 'hear'. The speaker can emphasize the uncertainty of his information by the modal words and particles with the meaning of doubt. In utterances with inferential meaning mental verbs 'think', 'suppose' are used; 2) the category of authorization is connected with the category of persuasion if information is gained by the speaker from other sources, from other people's messages. As a rule, the source of information is mentioned by the speaker. Thereby, the author's message absolves itself from responsibility for information authenticity. The most frequent indicator which expresses the interaction of modus qualifying categories of authorization and persuasion in the dialectal sentence is the verb of speech 'speak'. The sentences which do not show the source of information are also used in the dialectal speech. The repertoire of markers of authorization and persuasion in the dialectal sentence differ from corresponding indicators in literary language.

REFERENCES

1. Kopytov O.N. Vzaimodeystvie kvalifikativnykh modusnykh smyslov v tekste (avtorizatsiya i persuzivnost') : dis. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2004. 184 p.
2. Zolotova G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. M. : Nauka, 1973. 351 p.
3. Koroleva T.M. Intonatsiya modal'nosti v zvuchashchey rechi. Kiev : Vysshaya shkola, 1989. 147 p.
4. Belyaeva E.I. Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 180 p.
5. Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis. Praha : Academia, 1979. 879 p.
6. Grepl M. O sushchnosti modal'nosti. *Yazykoznanie v Chekhoslovakii. 1956–1974 gg.* : sb. st. M. : Progress, 1978. P. 57–69.
7. Panfilov V.Z. Kategoriya modal'nosti i ee rol' v konstruirovanii predlozheniya i suzhdeniya. *Voprosy yazykoznanija*. 1977. No. 4. P. 28–44.
8. Bol'shakova N.I. Yazykovoe oformlenie modusnykh kategoriy (na materiale perepiski M. Tsvetaevoy i B. Pasternaka) : dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1993. 235 p.
9. Shmeleva T.V. Smysl i formal'naya organizatsiya dvukomponentnykh infinitivnykh predlozheniy v russkom yazyke : avtoref. dis... kand. filol. nauk. M., 1979. 22 p.
10. Problemy funktsional'noy grammatiki. Polevye struktury. SPb. : Nauka, 2005. 512 p.
11. Nagornyy I.A. Funktsional'naya perspektiva predlozheniy s modal'no-persuzivnymi chastitsami. Barnaul, 2001. 126 p.
12. Shmeleva T.V. Sub'ektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1995. 40 p.
13. Demeshkina T.A. Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 190 p.
14. Etko A.G. Kategoriya avtorizatsii v aspekte funktsional'nogo podkhoda. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universitetata*. 2008. No. 56. P. 80–88.
15. Vershininskiy slovar'. Tomsk, 1999–2002. V. 1–3, 5–7.
16. Arutyunova N.D. Dialogicheskaya modal'nost' i yavlenie tsitatsii. Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya. Modal'nost'. Deyksis. M., 1992. P. 52–79.
17. Apresyan Yu.D. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1995. V. 2. 767 p.
18. Oblastnoy slovar' Kuzbassa. Pod red. E.V. Vasil'evoy. Kemerovo, 2001. Vyp. 1.
19. Gol'din V.E. Povestvovanie v dialektnom disкурse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. 2009. V. 9. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. Vyp. 1. P. 3–7.
20. Demeshkina T.A. Markery avtorizatsii v dialektnoy rechi. *Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauka i obrazovanie v XXI veke» 30 sentyabrya 2013 g. (Rossiya, g. Tambov)*. Tambov, 2013. Ch. 8. P. 25–28.
21. Gyngazova L.G. Chuzhaya rech' v yazyke dialektnoy lichnosti. *Aktual'nye problemy rusistiki* : sb. st. Pod red. T.A. Demeshkinoy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2000. P. 230–238.
22. Nagornyy I.A. Sub'ektivnaya perspektiva odnosostavnykh predlozheniy s predpolozhitel'nymi chastitsami. *Filologiya i chelovek*. 2008. No. 3. P. 30–41.